

Проблемы пенсионного обеспечения и социального страхования учителей сельских начальных училищ в России во второй половине XIX – начале XX вв.

В последние годы пенсионная система в России претерпела существенные изменения, что выразилось, в частности, в появлении так называемой «накопительной» системы. Размер будущей пенсии работника приведен во многом в зависимость от продолжительности и систематичности его отчислений в пенсионный фонд на всем протяжении трудовой деятельности.

При этом, как правило, ссылаются на опыт функционирования пенсионных фондов в странах Западной Европы и в первую очередь в Германии, где еще в первой половине 1880-х гг. был проведен комплекс реформ, коснувшихся проблем социального страхования и пенсионного обеспечения наемных работников. Так, в 1881 г. вводится социальное страхование на случай болезни, в 1883 г. – в связи со старостью и инвалидностью, а в 1884 г. – при несчастных случаях. В 1896 г. принимается Германское гражданское уложение, в котором впервые в европейской практике утверждались принципы социальной справедливости и вводилось повсеместное рабочее страхование.

В то же время, при необходимости учета и тщательного изучения зарубежного опыта в рамках реформирования отечественной системы пенсионного обеспечения и социального страхования, не следует забывать и о том, что аналогичная «накопительная» система существовала и в России в 1880–1910-е гг., хотя и отличалась рядом существенных особенностей.

В апреле 1883 г. после многочисленных ходатайств губернских земств были установлены основные правила организации так называемых эмеритальных касс (от фр. *émérite* – заслуженный) для низших земских служащих, не имевших прав на получение государственной пенсии (конторщики, курьеры, делопроизводители, письмоводители и др.), т. е. прав, которыми обладали служащие по Табели о рангах. Целью эмеритальных касс должно было стать предупреждение бедности в будущем, в основном через постоянные доб-

ровольные взносы служащих в фонд кассы, с последующими возможностями получения как пособий и ссуд, так и пенсии.

По правилам 1883 г., фонды названных касс составлялись из трех основных источников: 1) ежегодных пособий земства в пользу кассы (3–10 % от сметы, ассигнуемой на содержание личного состава служащих в земстве); 2) вычетов из жалованья (2–6 %) и из премий (6–10 %) членов кассы; 3) единовременных вступительных взносов. Кроме того, на пополнение кассы могли направляться остатки от земских сумм, ассигнуемых на содержание служащих и канцелярские расходы.

Срок выслуги «полной» пенсии колебался от 24 до 30 лет. Размер пенсии целиком зависел от срока нахождения в кассе (при половине срока – половинная пенсия, при четверти срока – 1/4 от пенсии и т.п.). Правом на получение пенсии обладали не только члены эмеритальной кассы, но и, после смерти члена кассы, его вдова (пожизненно) или сироты (до достижения ими совершеннолетия).

Вместе с тем изданные правила поставили два серьезных препятствия к скорейшей организации эмеритальных касс. Во-первых, для создания кассы требовалось обязательное участие всех состоящих на службе работников земства и подведомственных земству заведений. Во-вторых, сами кассы должны были непременно общегубернскими, причем требовалось обязательное согласие на организацию кассы со стороны всех уездных земств. В результате к 1894 г. были учреждены только 7 губернских касс (черниговская, таврическая, рязанская, московская, пензенская, курская, херсонская). Кроме того, имелись еще две кассы (тверская губернская и петербургская уездная), уставы которых Министерство внутренних дел не утвердило из-за невыполнения указанных выше условий.

На тех же приблизительно основаниях были организованы и общества взаимного вспомоществования, получившие огромную популярность в среде низших служащих на рубеже XIX–XX вв. Общества были ориентированы на предоставление своим членам возможностей получения единовременных пособий и ссуд (последние – беспроцентные либо под льготные проценты).

Таким образом, в России накопительная пенсионная система первоначально распространилась на низших служащих, и лишь на рубеже XIX–XX вв. были сделаны первые шаги в области социаль-

ного страхования рабочих. Так, в 1901 г. появились временные правила о пенсиях для рабочих, а в июне 1903 г. был издан закон «О вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств, в предприятиях фабрично-заводской, горнозаводской промышленности». По этому закону в связи с увечьем, полученным на производстве, или временной потерей трудоспособности ввиду производственной травмы назначались пенсии и единовременные пособия. Причем определение размеров пенсий и пособий полностью отдавалось на усмотрение предпринимателей. Так, размер пособия по временной нетрудоспособности не превышал половины зарплаты, в случае же гибели рабочего ввиду производственной травмы владелец предприятия был обязан оплатить его похороны.

В 1912 г. III Государственная дума приняла четыре социальных закона: о страховании рабочих от несчастных случаев, о страховании на случай болезни, об учреждении присутствий по делам страхования рабочих, об учреждении совета по делам страхования рабочих. В то же время перечисленные законы распространялись только на рабочих и служащих частных фабрично-заводских, горных, железнодорожных и судоходных компаний. Так, закон о страховании на случай болезни предусматривал организацию больничных касс, средства которых образовывались из взносов рабочих и промышленников. Максимум вычета с рабочих был равен 3 % заработка. Размер взносов владельца предприятия был определен в две трети суммы взносов, установленной для участников кассы. По случаю болезни рабочие (члены кассы) могли получить от 1/4 до 2/3 заработка. Средства кассы могли также расходоваться и на лечение членов семей рабочих. Больничным кассам предоставлялось право устраивать и содержать собственные амбулатории и больницы или договариваться с городскими, земскими, частными лечебными учреждениями об оказании медицинской помощи. В целом же система социального страхования охватывала лишь 2,5 млн рабочих (около 16 % от их общего числа), главным образом, крупной фабрично-заводской промышленности.

Возвращаясь к правилам организации эмеритальных пенсионных касс 1883 г., следует заметить, что они распространились лишь на часть низших служащих – тех, которые, по представлениям того

времени, таковыми считались, т. е. работали по найму и получали жалованье от земства. За пределами данного определения, как ни странно, оказывалась такая группа служащих, как учителя начальных сельских земских училищ, что было обусловлено неопределенностью их правового положения.

Сельские земские учителя считались «временно служащими» или, так сказать, «полуслужащими». С одной стороны, учительский труд имел служебный характер: сельские учителя утверждались в должности уездным училищным советом при удостоверении местного инспектора училищ в «способности их к педагогической деятельности»; при назначении же на должность учительский кандидат не заключал контрактов ни о сроках службы, ни о размерах вознаграждения за труд. С другой стороны, служба в должности сельского учителя признавалась «временной», *ненастоящей* государственной службой.

Временным, например, оказывалось исключение сельских учителей из податного состояния – лишь на время несения службы, т. е. нахождения в учительской должности. Право на пожизненное исключение из податного состояния и возможность поступления на постоянную службу определялось целым рядом условий, зависящих не столько от срока нахождения в должности, сколько от воззрения местного училищного начальства.

Так, 20 декабря 1871 г. предписанием Министерства народного просвещения (МНП) выпускники специальных учительских учебных заведений (учительских институтов, семинарий и школ) могли удостоиваться звания личного почетного гражданина за исполнение в течение 12 лет обязанностей сельского учителя, что автоматически влекло за собой пожизненное исключение из податного состояния [1]. 24 ноября 1885 г. названная льгота была также распространена и на выпускников педагогических курсов, существовавших во второй половине 1860 – начале 1870-х гг. при ряде уездных училищ [2]. Но лишь предписанием МНП от 17/22 мая 1900 г. право на получение звания личного почетного гражданина было предоставлено всем, без исключения, сельским учителям, а не только тем, кто получил специальное педагогическое образование [3].

Лишь удостоенные звания личного почетного гражданина, при условии «беспорочной» двенадцатилетней службы в учительской

должности, могли, по предписанию МНП от 8 октября 1877 г. [4], поступить на должности помощников классных наставников в средних учебных заведениях, а с августа 1896 г. – на должности учителей городских приходских училищ, с правом поступления на государственную службу по 14-му классу [5]. Те же учителя, которые по прослужении 12 лет не были удостоены названного звания, а затем оставляли службу, вновь возвращались в податное состояние.

Правила же присвоения почетного звания учителям были настолько неопределенными, что зачастую зависели от желания или нежелания местного инспектора народных училищ. Неслучайно в связи с этим журнал «Русская школа» в 1892 г. замечал, что причиной увольнения или перемещения учителя из одного училища в другое нередко становилось «личное воззрение власть имущего, так или иначе заинтересованного в смещении неугодного ему сельского учителя» [6, с. 130].

Показанная выше двусмысленность правового состояния сельских учителей вела к тому, что последние длительное время оказывались лишенными прав на получение пенсий, ссуд или пособий. Неудивительно, что сельский учитель из Кунгурского уезда в письме в редакцию журнала «Образование» в 1898 г. горько замечал: «Трудись, работай, а под старость, когда силы не будет – мешок за плечи и ступай на все четыре стороны. Даже преданные делу учителя, при первой же возможности, переходят на другую службу, где надеются и под старость иметь кусок хлеба» [7, с. 59].

Проблема пенсионного обеспечения являлась наиболее болезненной для сельского учительства. На пенсию могли рассчитывать лишь учителя приходских училищ, находящихся в ведении Святейшего синода, да и то после прослужения ими 25 лет. Размер же пенсии был настолько мизерным, что в журнале «Народная школа» в 1886 г. отмечалось: «Едва ли теперь есть где-либо в России такой уголок, где можно не быть голодным на 90 рублей в год, не имея других средств к существованию» [8, с. 22]. В газете «Жизнь и школа» в 1902 г. писали: «О сбережении какой-либо суммы на дальнейшее обеспечение учителю нечего и думать. Жизнь в деревне теперь не так уж дешева, как принято полагать, и учителю, ради его интеллигентности, приходится жить в деревне с такими же расходами, как и в городе» [9, с. 1].

Вопрос о пенсиях для учителей постоянно поднимался как губернскими и уездными земствами, так и учебным ведомством и периодической печатью. В Пермской губернии эта проблема наиболее активно обсуждалась на уровне уездных земств во второй половине 1870 – первой половине 1880-х гг.

Так, в сентябре 1875 г. пермская уездная земская управа разослала сельским учителям предложение о создании особой вспомогательной кассы для выдачи пенсий и пособий при местной инспекции народных училищ. Для образования кассы предполагалось производить ежегодный вычет с жалованья учителей в размере 2–4 %. По проекту уездного земства пенсионная касса должна была функционировать и пополняться исключительно за счет отчислений самих же учителей – членов кассы. В связи с этим, в «Заметке о вспомогательной кассе для народных учителей», опубликованной на страницах «Пермских губернских ведомостей» в 1878 г., сельский учитель В.Попов предлагал для создания пенсионной кассы использовать следующие вычеты и вклады: ежегодный обязательный вычет из учительского жалованья; вычеты из наградных денег сельских учителей; частные пожертвования в пользу кассы; первоначальный фонд, пожертвованный уездным земством; другие свободные суммы земства, не имеющие специального назначения (иными словами, остатки от земских расходов по истечении финансового года) [10].

XIV очередное пермское уездное земское собрание 1883 г. вновь ходатайствовало о распространении пенсионного обеспечения на учителей начальных народных училищ, имея в виду утверждение правил о создании пенсионных эмеритальных касс, с определением размера пенсионного содержания: 240 р. в год (если учитель до выхода на пенсию в течение предшествующих пяти лет получал жалованье в размере 300 р.), 180 р. в год (при меньшем годовом окладе) и в 300 р. в год (при жалованьи в 420 р. и выше). Пенсионный капитал должен был быть получен за счет ежегодных трехпроцентных вычетов из учительского жалованья. Следующее XV уездное собрание 1884 г. повторило ходатайство о пенсиях и высказалось за устройство общегубернской эмеритальной кассы для сельских учителей [11].

В 1876 г. осинское уездное земство так же разрабатывает свой проект Устава эмеритальной кассы для учителей и учительниц уезда

[12]. Целью создания кассы являлось обеспечение ее членов пенсиями и пособиями в случае старости и по болезни, а также семейства в случае смерти участника кассы. Членами пенсионной кассы должны были стать все, без исключения, работники сельской земской школы уезда (учителя, учительницы, их помощники и помощницы). Согласно проекту капитал кассы складывался из трех основных источников: ежегодного четырехпроцентного вычета из жалования членов кассы (в январе каждого года), десятипроцентного вычета из ежегодного пособия уездного земства на жалование работникам сельских училищ и процентов от прибыли капитала кассы, помещенного в государственные кредитные учреждения.

Размер пенсии напрямую зависел от длительности трудового стажа участника кассы: при 10-летнем стаже работы в сельском училище он составлял 18 % от годового оклада жалования; при 15-летнем стаже – 30; при 20-летнем стаже – 35 и при 25-летнем – 70 % от годового оклада. Учитывая средний «нормальный» оклад жалования в 300 р. в год, нетрудно посчитать, что минимальная пенсия должна была составить 54 р., а максимальная – 210 р. в год. По проекту устава, члены кассы не могли отказаться от уплаты ежегодных взносов: выбывшие из кассы через 5 лет получали обратно пособие в половинном размере от суммы, внесенной ими в капитал кассы, но без процентов; выбывшие ранее указанного срока – одну треть от внесенных платежей; выбывшие в срок до 8 лет (при наличии уважительных причин – потери рассудка, зрения, паралича и т.п., а также лишившиеся имущества в результате пожара) получали обратно свои платежи в полном размере; наконец, выбывшим из кассы по состоянию здоровья и пробывшим в ней от 8 до 10 лет решением уездного земского собрания вместо возвращения платежей могла быть назначена особая пенсия.

Членам пенсионной эмеритальной кассы выдавались особые расчетные книжки, где, помимо отметок о ежегодных платежах, назывались также и лица, которые будут иметь право на получение пенсии в случае смерти участника кассы (только жена и законнорожденные дети). Выплата пенсий по случаю смерти члена кассы прекращалась: вдове – по выходе повторно замуж; детям – по достижении ими совершеннолетия (21 года). Управление делами пенсионной

кассы должно было осуществляться уездной управой, а ревизии и проверку сумм кассы проводило уездное земское собрание.

В 1877 г. осинское уездное земство внесло в уставный капитал планируемой к открытию пенсионной учительской кассы 1865 р., но создание последней было приостановлено из-за неутверждения ее проекта Учебным ведомством [13].

XII очередное кунгурское уездное земское собрание 1881 г. также ходатайствовало о разрешении выдавать пенсии сельским земским учителям за 20 лет службы в размере 120 р. в год из пенсионного капитала приходских учителей, к которому уездное земство собиралось ежегодно приплюсовывать по два процента его общей суммы [14]. Кунгурское земское собрание 1883 г. констатировало, что, «как известно, эмеритальной кассы для земских служащих доселе еще нет, по разным причинам, и учителя, сделавшиеся неспособными к труду, равно как и оставляемые умершими учителями семьи остаются теперь совершенно беспомощными» [15, с. 120]. Поэтому, было решено назначать по 100 р. пенсии в год тем учителям, которые прослужили в народной школе не менее 17 лет и потеряли при этом здоровье, без учреждения особой эмеритальной кассы [15].

Вопрос о пенсиях рассматривался также XII и XVI екатеринбургскими уездными земскими собраниями [16]. Так, очередное земское собрание 1881 г. постановило образовать особый пенсионный учительский капитал за счет отчисления из запасных фондов десяти тысяч рублей. Земское собрание 1885 г. утвердило проект правил о пенсиях, по которым право на пожизненную пенсию приобреталось после 25-летней службы в сельских училищах уезда. Размер пенсии не зависел от размера жалованья работника сельской школы и составлял 240 р. в год – для учителей и учительниц, 120 р. в год – для помощников и помощниц. При выслуге 20 лет размер пенсии составлял 2/3 от «нормы» (соответственно 160 и 80 р. в год). По проекту устанавливались ежегодные однопроцентные вычеты из жалованья в пенсионную кассу. Продолжавшие работать в учительских должностях после 25 лет стажа в училище получали право и на получение жалованья, и на получение пенсии.

Однако и екатеринбургский проект был отвергнут МНП. Ходатайствовало об учреждении пенсионной эмеритальной кассы для

сельских учителей и XVIII очередное пермское губернское земское собрание 1887 г., но столь же безуспешно.

Такой ход событий заставил подойти к проблеме с несколькими позициями, что, в частности, проявилось в создании так называемых «обществ взаимного вспомоществования», целью которых являлось оказание помощи нуждающимся учителям и учительницам, работавшим в начальных сельских и городских школах.

Считается, что первое такое общество – «Общество взаимного вспомоществования учителей-евреев Новороссийского края и Бессарабской области» – было создано еще в 1866 г., но о нем практически ничего неизвестно. В 1882 г. в Рязани появилось «Общество пособия учащим» (в рассматриваемый период термины «учащие» и «учившие» являлись наиболее распространенными при характеристике работающих и работавших в начальных народных училищах). Однако рязанское общество носило скорее чисто благотворительный характер, так как его капиталы складывались из пожертвований лиц, заинтересованных в развитии народной школы, а не из взносов самих ее работников.

В 1889 г. появилось общество, носившее уже характер непосредственной взаимопомощи учителей и учительниц, под названием «Общество взаимопомощи бывших воспитанников Санкт-Петербургского учительского института». Своей деятельностью оно охватывало в основном учителей городских училищ. В 1890 г. аналогичные общества возникли в Харькове и Казани; в 1892 г. – было создано Санкт-Петербургское общество взаимного вспомоществования сельских учителей. В 1893 г. возникло учительское общество в Новгороде, а в 1894 г. – Нижегородское общество взаимного вспомоществования.

5 июля 1894 г. МНП был утвержден «Нормальный Устав обществ взаимного вспомоществования учащим и учившим» [17]. Особенностью министерского Устава стало ограничение задач обществ или исключительно материальной помощью (п. 1), или видами помощи нематериального плана (типа приискания мест и занятий, удешевленной помощи, оказания личных услуг в случае болезни и т.п.) (п. 24). Такая ограниченная постановка вопроса никак не соответствовала надеждам и чаяниям самих работников начальной школы, сетовавшим как на отсутствие учительских профессио-

нальных организаций, так и на невнимание МНП к проблемам «интеллектуального развития» учителей.

В самом Уставе выделялись три группы членов обществ: «действительные члены» (т. е. работавшие в начальных народных училищах), «почетные члены» («жертвователи») и «члены-соревнователи» (т. е. лица, содействовавшие реализации целей общества). Определялись четыре основных источника поступлений средств: ежегодные и единовременные членские взносы; единовременные пожертвования; случайные поступления; проценты с капиталов, а также доходы от благотворительных мероприятий (в том числе от публичных лекций, спектаклей и концертов).

Денежные пособия могли быть двух видов: единовременные (в случае крайней и случайной нужды) и постоянные (например, при долгой и тяжелой болезни). Пособия выдавались также вдовам и сиротам, оставшимся после смерти учителя без средств к существованию. Возвращение выданных пособий относилось к так называемой сфере «нравственной» обязанности (т. е. если получатели пособий будут в состоянии в будущем их вернуть).

Серьезным препятствием к расширению деятельности учительских обществ взаимного вспомоществования стал запрет на создание уездных филиальных отделений, т. е. создаваемые общества могли носить только общегубернский характер. Такая практика МНП вызвала справедливую критику как со стороны педагогической общественности, так и со стороны земств. Делами обществ вершили те их члены, что проживали в губернских центрах; учителя же, работавшие в уездах, зачастую были лишены всякой возможности принимать участие в общих собраниях, и роль их сводилась исключительно к более или менее аккуратной уплате членских взносов. Обойти данное препятствие удалось к 1899 г. только нижегородскому обществу, открывшему свои отделения в уездах губернии.

Тем не менее сеть учительских обществ взаимного вспомоществования на рубеже XIX – XX вв. постепенно расширилась: если к 1899 г. насчитывалось 27 обществ, то к началу 1903 г., по данным Д.Жванкова, в России существовало 71 общество, в том числе: 62 – взаимного вспомоществования и 9 – «пособия учащим» (т. е. чисто благотворительные) [18]. На Урале в 1895 г. было основано Оренбургское общество взаимного вспомоществования, в 1901 г. – Перм-

ское губернское общество, в 1902 г. были созданы два уездных общества: Мензелинское и Соликамское.

С 28 декабря 1902 г. по 6 января 1903 г. в Санкт-Петербурге прошел съезд представителей обществ взаимного вспомоществования лицам учительского звания, получивший в тогдашней периодической печати громкое название «первого всероссийского съезда народных учителей». На съезде были подведены некоторые итоги деятельности обществ с середины 1890-х гг. Так, в 71 обществе, представленном на съезде, в конце 1902 г. насчитывалось 21695 членов (что было вдвое больше, чем пятилетие назад – в 1897 г.), однако собственно лиц учительского звания, т. е. действительных членов, в составе обществ было только 14857 чел. (чуть более двух третей), взносы которых составляли лишь 42,3 % источников средств. Взносы членов-соревнователей составляли 14,1 %, частные пожертвования – 7,9, сборы от устройства лекций и благотворительных мероприятий – 27,2, прочие – 8,5 % [18].

За период с 1897 по 1901 гг. общества выдали: пособий нуждающимся учителям на общую сумму 74150 р. (в том числе: единовременных – 57600 р., периодических – 13218 р.) и ссуд на сумму 184932 р. (в том числе: беспроцентных – 42099 р.). Кроме того, 20 обществ содержали общежития для детей сельских учителей, обучавшихся в губернских и уездных учебных заведениях; 15 обществ – квартиры для приезжавших в губернские центры сельских учителей; 19 обществ – библиотеки или кабинеты для чтения; 2 общества – педагогические музеи. При 2 обществах имелись приюты для детей – учительских сирот; при 2 обществах – санатории для больных учителей. Одно общество имело собственный книжный магазин; еще одно – располагало дачей для отдыха [18].

Об основных направлениях работы обществ взаимного вспомоществования можно судить по деятельности Пермского общества взаимного вспомоществования, среди которых можно выделить следующие [19]:

1. Выдача безвозвратных пособий тем членам общества, которые пробыли в нем не менее трех лет (в 1904 г. было выделено таких пособий на сумму 379 р. 50 коп. 14 учителям в размере от 4 р. 50 коп. до 60 р.).

2. Выдача ссуд как беспроцентных, так и процентных (до 6 % годовых). В течение 1904 г. было выдано: беспроцентных ссуд на сумму 990 р. – 24 чел., в размере от 10 до 80 р.; процентных (под 5 и 6 % годовых) на сумму 100 р. – 2 чел. по 50 р. В то же время уже к началу 1905 г. сумма невозвращенных ссуд достигла 895 р., что составило 38,5 % от общего прихода сумм.

3. Содержание интерната для детей сельских учителей в Перми. Расход в 1904 г. составил 354 р., в 1905 г. – 800 р.

4. Устройство и содержание бесплатных квартир для учителей, командированных в Пермь и уездные города. Так, в 1904 г. учительской квартирой в Перми воспользовались 86 учителей и 78 учительниц (на срок от 3 дней до двух месяцев).

И тем не менее организация учительских обществ взаимного вспомоществования никак не решала проблем материального обеспечения в будущем, перекладывая эти вопросы на плечи самих же учителей. Достаточно часто уездные земства делали взносы в пользу обществ за сельских учителей, что в значительной степени ослабляло интерес последних к работе обществ. Более того, как только земства переставали платить – учителя тут же покидали общество (что, к примеру, произошло в 1899 г. с самарским обществом).

Неизбежным следствием стало падение популярности обществ взаимного вспомоществования, о чем свидетельствуют данные по Пермской губернии за период с 1903 по 1904 гг. (таблица) [20, 21].

Статистические данные ярко свидетельствуют о том, насколько бесперспективной оказалась идея страхования работников за счет самих же работников. Выход из Пермского общества взаимного вспомоществования членов-соревнователей, вследствие отказа уездных земств делать взносы за своих учителей, неизбежно привел к автоматическому оттоку учителей начальных сельских училищ, в результате чего состав общества сократился на 44,2 %.

Многочисленные ходатайства правления в 1904 г. в адрес губернского и уездных земств с просьбами о пособиях в пользу общества принесли немного плодов: 6 ходатайств были отложены; губернское земство выделило 100 р. на учительские квартиры в Перми; камышловское уездное земство передало в распоряжение общества 50 р.; кунгурское – 25 р. на устройство учительской квар-

тиры в Кунгуре (и то с условием, что кунгурские учителя при приезде в Пермь будут бесплатно пользоваться там учительскими квартирами); чердынское уездное земство выделило 3 р.

О кризисе Пермского общества взаимного вспомоществования говорит и статистика денежных поступлений: если в 1902 г. было получено (из различных источников) 3538 р., а в 1903 г. – 4011 р., то уже в 1904 г. – лишь 2322 р. вместо планировавшихся 4800 р. (сокращение более чем вдвое). В результате в начале 1903 г. общество объединяло до 40 % сельских учителей губернии, а уже к началу 1905 г. – лишь 20 %.

**Состав Пермского общества взаимного вспомоществования
в 1903–1904 гг. (данные на начало календарного года)**

Уезды	Пожизненные члены		Действительные члены		Члены-соревнователи		Всего	
	1903	1904	1903	1904	1903	1904	1903	1904
Верхотурский	-	-	61	42	27	1	88	43
Екатеринбургский	1	1	55	49	12	-	78	50
Ирбитский	-	-	44	9	11	1	55	10
Камышловский	-	-	23	14	3	-	26	40
Красноуфимский	-	-	61	51	27	-	88	51
Кунгурский	-	-	31	10	8	-	39	10
Осинский	-	-	46	43	8	-	54	43
Оханский	-	-	58	34	6	-	64	34
Пермский	5	5	124	110	58	26	187	141
Соликамский	-	-	29	Нет сведений	7	-	36	Нет сведений
Чердынский	-	-	52	38	13	-	65	38
Шадринский	-	-	103	76	41	-	144	41
Итого	6	6	687	476	221	28	914	510

МНП в конце 1890-х гг. рассмотрело вопрос о распространении эмеритальной пенсионной системы на сельских учителей. В итоге 12 июня 1900 г. был утвержден Устав пенсионной кассы народных учителей и учительниц [22]. Целью последней провозглашалось «обеспечить оставляющих службу участников кассы и их се-

мейства пенсиями, независимо от тех, которые будут им следовать на основании общих законов, других уставов и Высочайших повелений» [22, с. 248].

По Уставу обязательными участниками кассы становились сельские учителя начальных училищ, состоявшие на службе в ведомстве МНП, в том числе содержавшиеся за счет государственного казначейства, земских и городских учреждений и сельских обществ; добровольными участниками пенсионной кассы могли стать учителя частных школ и те учителя, которые имели право на пенсионное обеспечение по характеру своей службы. Капитал кассы складывался из трех основных источников: 1) единовременных (при вступлении в кассу) в размере 6 % годового жалования и ежегодных в размере также 6 % членских взносов участников кассы; 2) пособий из казны, от земских и городских учреждений и сельских обществ (в размере 6 % годового содержания сельских учителей в губернии); 3) добровольных пожертвований, процентов с капиталов и случайных поступлений.

Капитал кассы состоял из 4 фондов: фонда участников, вдовье-го фонда, сиротского фонда и запасного фонда (последний предназначался для покрытия дефицита). Право на пенсию приобреталось теми участниками кассы, которые пробыли в ней не менее 15 лет. Небезынтересно заметить, что детям учителей и учительниц, оставшимся сиротами, полагались так называемые «усиленные» пенсии в следующих размерах: одному ребенку – «нормальная» пенсия плюс 5 %; двоим – плюс 75 %; троим – две с половиной «нормальных» пенсии; четверым – три «нормальных» размера пенсии. Увечным детям-сиротам полагалось пожизненное пенсионное обеспечение. Пожизненное обеспечение получали и вдовы учителей.

Итак, данная система стала накопительной, что тут же вызвало критику общественности. В журнале «Вестник воспитания» отмечалось: «В действительности учащие будут покупать право на пенсию, уделяя для этого обязательно некоторую часть своего и так более чем скромного жалования. А так как предполагаемая пенсия по своей незначительности не в состоянии будет обеспечить безбедное существование оставляющего службу учителя и его семьи, то учащие будут покупать право на полуголодное существование» [23, с. 22]. Нужно учитывать и тот факт, что пенсионный капитал складывался

из довольно значительных (6 %) ежегодных отчислений учителя; при задержке же взносов более чем за два года учитель автоматически выбывал из кассы без возвращения ранее уплаченной суммы.

Таким образом, опыт функционирования пенсионной накопительной системы и обществ взаимного вспомоществования в России оказывается неоднозначным, однако при всех его достоинствах и недостатках, он не может не учитываться при создании современных пенсионных и страховых технологий в нашей стране.

Библиографический список

1. Журнал Министерства народного просвещения. 1872. № 2.
2. Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. 1886. № 1.
3. Журнал Министерства народного просвещения. 1900. № 7.
4. Журнал Министерства народного просвещения. 1877. № 11–12.
5. Журнал Министерства народного просвещения. 1892. № 9.
6. Русская школа. 1892. № 11.
7. Образование. 1898. № 11.
8. Народная школа. 1886. № 12.
9. Жизнь и школа. 1902. № 44–47.
10. Пермские губернские ведомости. 1878. № 43.
11. Русский начальный учитель. 1888. № 6–7.
12. Народная школа. 1877. № 2.
13. Педагогическая хроника. 1879. № 34.
14. Русский начальный учитель. 1882. № 5.
15. Русская школа. 1890. № 2.
16. Систематический свод постановлений Екатеринбургского уездного земского собрания. Вып. 2. Народное образование: 1870–1902 г. Екатеринбург, 1904.
17. Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. 1895. № 1.
18. Вестник воспитания. 1903. № 2.
19. Сборник Пермского земства. 1905. № 1–2.
20. Извлечение из утвержденных общим собранием 30–31 декабря 1903 г. отчетов о состоянии Общества вспомоществования учащим и учившим в низших учебных заведениях ведомства Мини-

стерства народного просвещения, состоящих в Пермской губернии за 1902–1903 гг. Пермь, 1904.

21. Сборник Пермского земства. 1905. № 1–2.

22. Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. 1900. № 8.

23. Вестник воспитания. 1899. № 2.

Н.С. Сажина

Проблема беспризорности в 1920-е гг.: сущность и причины

Бурное развитие капитализма в России на рубеже XIX–XX вв. сопровождалось внутренним противоречием: с одной стороны, значительно расширились сферы индивидуальной свободы человека, возможности личного выбора занятий и способов действия; с другой – распад традиционного уклада жизни подрывал силу коллективного контроля за поведением, размывал веками сложившуюся систему моральных ценностей и норм. Отсутствие твердых жизненных целей, образцов поведения, нарушение чувства идентификации с группой, обществом вели к внутренней дезориентации индивидов, потере способности адаптироваться к изменившимся социальным реалиям. Число дезадаптированных личностей пополняли дети и подростки, лишенные здоровых социальных контактов в виду занятости родителей на производстве, аморального давления криминализованной среды, окружавшей многих несовершеннолетних жителей города.

Первая мировая война способствовала увеличению числа детей, лишившихся крова, семьи, родителей. Ее продолжение зимой 1917–1918 г. породило «миллионы сирот, обездолила миллионы семей, согнала с мест постоянного жительства массы беженцев с малолетними детьми, расстроило правильное обучение детей в школах, подорвало здоровье детского населения длительными лишениями, вовлекло десятки тысяч детей разного возраста в непосильный для них труд и наполнило еще неокрепшую детскую психику нездоровыми переживаниями военных страстей и спекулятивного ажиотажа» [1, с. 28].